

ТАРКОВСКИЙ

Газета X международного кинофестиваля
им. Андрея Тарковского «Зеркало»

АЛЛА ДЕМИДОВА
ОТВЕТИЛА
НА ВОПРОСЫ
ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОДЮСЕРА
«ЗЕРКАЛА» АЛЕКСЕЯ
БОКОВА
(СТР. 2)

ДЖАВАХИР
ЗАКИРОВ ДАЛ
ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ
«ТАРКОВСКИЙ» О
ФИЛЬМЕ «ПОБЕГ
ИЗ МОСКВАБАДА»
(СТР. 3)

ФИЛЬМ
ЗАКРЫТИЯ —
«РАЗРУШЕНИЕ»
С ДЖЕЙКОМ
ДЖИЛЛЕНХОЛОМ
(СТР. 3)

ЛУЧШИЕ СНИМКИ
ИНСТАГРАМ-
КОНКУРСА
#TARKOVSKYTREE
(СТР. 4)

ЦЕРЕМОНИЯ
ЗАКРЫТИЯ
ФЕСТИВАЛЯ
НАЧНЕТСЯ
В ИВАНОВСКОМ
МУЗЫКАЛЬНОМ
ТЕАТРЕ В 17:00

19/06/2016

№6

Время Перехода

Генеральный продюсер кинофестиваля им. Андрея Тарковского «Зеркало» Алексей Боков побеседовал с актрисой Аллой Демидовой, которая вошла в жюри международного конкурса.

— Вы были знакомы с Арсением Александровичем Тарковским, снимались у его сына в «Зеркале». У вас был концерт, который вы назвали «Два Тарковских». Что именно, на ваш взгляд, Арсений Александрович дал своему сыну? В чем Андрей Арсеньевич был похож на отца?

— Перешло ощущение поэзии, поэтичности, этот взгляд на мир через поэзию, через какой-то внутренний ритм в фильмах у Андрея. Чехова нельзя играть, как Островского — только слова: надо всегда держать в голове, что Чехов — поэт, хотя он не писал стихов. Ощущение поэзии, когда за словами идет какой-то другой совершенно смысл и другой ритм, — это чеховское восприятие. И кто это понимает, у того получается на сцене Чехов. Так и в кино: этот почерк через призму поэзии у Андрея и сделал его индивидуальностью. И я думаю, недаром в «Зеркале» он записывал отца. Стихи выглядят там не вставным номером, а как бы таким контекстом продолжения его жизни, его второй жизни, когда время переходит в другую реальность. Слои, которые в поэзии, когда за одним словом идет одна реальность, один образ, второй, третий, особенно в хороших стихах... Так и у Андрея.

— Общаясь с художником по костюмам

Нэлли Фоминой (работала с Андреем Арсеньевичем над «Соларисом», «Зеркалом», «Сталкером». — прим.) в процессе подготовки ее выставки и книги, я внимательно смотрел на эскизы и обратил внимание, что они — абсолютное воплощение мысли режиссера. Как будто раскадровка фильма. Фомина рисовала по его просьбе конкретную позу — вы где-то даже там, по-моему, с сигаретой есть в эскизе. Получается, он до такой степени уже все видел заранее?

— Ну это, вы знаете, у многих хороших режиссеров. Хотя импровизация, вернее даже, поиски состояния души и атмосферы — это было. Иногда Андрей отменял смену, потому что атмосферы того, чего он, видимо, добивался, не было.

Когда Тарковский при выставленном кадре отрывал какой-то листочек, его ассистенты без объяснений начинали тоже обрывать, как будто они — еще одна его рука

— Вот очень интересно, потому что довелось видеть у Александра

Николаевича Сокурова, что он не только создает целую ленту с кадрами, но и объединяет эти нарисованные кадры в бобину, в бумажную «кинолентку». Почему важны такие мельчайшие, казалось бы, детали?

— В кино все зависит от воли режиссера и от его группы сообщников, которые его настолько хорошо понимали, что когда Андрей при выставленном кадре отрывал какой-то листочек, его ассистенты без объяснений начинали тоже обрывать, как будто они — еще одна его рука. Ну недаром он всегда ждал свою группу.

— Помню вечер поэзии Арсения Александровича во дворе музея Левитана в Плесе на фестивале. Я слушал, как вы читали стихи Арсения Тарковского — это было прекрасно, практически на берегу Волги. Ивановская земля сама по себе вдохновляла художников, какое-то чудо: Андрей Арсеньевич здесь родился и вырос, Левитан здесь писал картины, здесь жил Чехов, сюда на лето приезжал отдыхать Шалпин. Такие пересечения в таком количестве. Какие ощущения у вас были от Волги и от этого края? И, кстати, были ли вы в Юрьевце?

— Да. Вы знаете, конечно, там красота немыслимая. Мы (Фонд Тарковского, председатель Паола Волкова. — прим.) добились, чтобы выкупили дом Тарковских, потому что там была коммунальная квартира. У Тарковских было только 2 комнаты. И когда мы туда приехали, все выехали, были пустые обшарпанные комнаты без мебели, где-то содраны обои, но вот

интересно: там, где были комнаты Тарковских, под обоями оказались наклеены листочки ученические, причем написано

Я принадлежу к тем, у кого есть, что называется, «отрицательное обаяние». Когда я выхожу на сцену зал меня не принимает вначале. И мне это нравится

там: третий, второй или четвертый класс, задачки какие-то... Это, видимо, Андрей и его сестра Марина Арсеньевна Тарковская. На чердаке стояли пыльные бутылки, которые потом в «Зеркале» были. И так этот музей постепенно создавался. Так что я присутствовала при его возникновении. — А как вы назовете это время, в которое мы живем, что это за время в культурном смысле? — Оно — Переход. Собственно, мы это заметили уже к концу 1970-х годов, когда нужно было искать какие-то другие дороги в изобразительном искусстве, в театре, в кино. Но как всегда бывает: вот этот спуск, а потом какое-то затишье, все повторяют то, что называется «пост-». Когда повторяют найденное, порой смешивают, это эклектика на стыке жанров. Недаром в театре сейчас бесконечные экраны на сцене, уже

надоели. Это прошло. Это уже плюсквамперфектум, как говорят немцы. Старт был, но еще никто не добежал до финиша. Не прорвал ленточку. Никто. Но знаете, кстати? Все научились хорошо играть. Все играют практически одинаково. Одинаково хорошо. Потому что поняли, что в кино лучше быть «Я в предлагаемых обстоятельствах», то есть себя нести. Сегодня я отметила одного: молодой Янковский. В фильме «Тряпичный союз», казалось бы, так же играет, как все остальные. Но есть один кадр, когда он, ревнуя, смотрит, просто смотрит. И этот прищур деда, отца... клан Янковских... Нюанс, который что-то добавляет — он дорогого стоит. Сейчас очень трудно найти этот нюанс. 99 — вода не кипит, а 100 — она кипит. Вот этот один градус. Сейчас этот один градус на этом переходном периоде очень важен.

— Возможен ли феномен Тарковского сегодня?

— ...Это стечение каких-то редких обстоятельств. Роза на помойке вырасти не может. Нужна почва. Нужна... Нужна вот эта атмосфера, чтобы это возникло. Сейчас слишком жесткая почва, чтобы это выросло. Даже на сопротивлении.

— Многие ведь было на сопротивлении и на жесткости.

— А вы знаете что: на сопротивлении как раз и надо, и что-то происходит в искусстве

— Протестность рождает?

— Я, например, когда выхожу на сцену, я в принципе принадлежу к тем, у кого есть, что называется, «отрицательное обаяние». Зал меня не принимает вначале. И мне это нравится. Потому что идет внутренняя борьба какая-то, поиск гармонии с этим залом. Это на сопротивлении. Собственно, все интересное и возникает на сопротивлении. Но все равно нужна почва.

— Я сейчас, конечно, воспользуюсь служебным положением и получу огромное удовольствие, послушав это живьем, но хотел бы донести до читателей: какие строки Арсения Александровича Тарковского наиболее созвучны вашей личности?

— Вот и лето прошло, / Слово и не бывало. / На пригреве тепло. / Только этого мало. Потому что все мало. Уж казалось бы... Но все мало. Вот этого мало. Хотелось бы еще чего-то... Тот градус, когда вода кипит. X

В программе «Свои» состоялся показ фильма «Побег из Москвабада» режиссера Дарьи Полторацкой. Одну из двух главных ролей в нем сыграл Джавахир Закиров — звезда узбекского кинематографа, который специально приехал на фестиваль «Зеркало» в Иваново представлять фильм публике. Картина посвящена очень сложным социальным проблемам. Ее главные герои — мигрант Хасан и инспектор федеральной миграционной службы Маша Ласточкина, также приехавшая в Москву из русской глубинки. Ее муж и коллега Андрей погибли при исполнении служебных обязанностей, она от него беременна, но он не прописал ее в квартиру, за которую она теперь борется в суде. Хасан играет ее напарника — гастарбайтера, который сдает ФМС места проживания бесправных таджикских рабочих и раскрывает банду мошенников, которые пользуются своими же соотечественников, выдавая им липовые документы. По его мысли, таким образом он помогает соотечественникам вернуться на

родину из «Москвабада». Елене Костылевой удалось поговорить с Джавахиром Закировым в Плесе.

— У вас очень сложная роль, этически очень сложный характер...

— Да, неоднозначный. Он же там хочет девочке еще помочь, «наставить ее на путь истинный». Мой герой — немножечко сумасшедший, но, скорее всего, он человек, который сам себя оправдывает. Его поступкам нельзя найти оправдания — это невозможно, это бред. Он считает, что всем таджикам нужно жить на родине. Ну, одного-двух он отговорит, и что? А что лучше для человека, мы же не знаем. Может, для него Россия и будет благодатным краем. У всех мигрантов судьба складывается по-разному — кто-то обретает счастье, а кто-то погибает. Миграция — это неоднозначное явление. Часто гастарбайтерам удается жить в России в мире с окружающими, и обрести здесь свою настоящую родину.

— Что вы можете сказать про вашего героя?

— Я играю там таджика, а в жизни я узбек. Таджики, о которых идет речь в фильме, работают на менее благоприятных местах. Но он вообще не «герой», он обычная пешка, которая копошится где-то, что-то делает. У нормального человека к такой симпатичной девушке как Маша появилось бы влечение, а у него нет и этого. Он выглядит на сорок, но у него мозги старика. Я всегда играл очень брутальных персонажей, и всегда отрица-

тельные роли, в основном. А в «Побеге из Москвабада» мое благополучное лицо старались сделать хуже, зубы чернить. Очень много дублей делала режиссер, чтобы появилась достоверность. Но я не оцениваю отдельно свою роль, я это смотрю все вместе, как фильм.

— Как зрители приняли фильм на показе в Иваново?

— В основном это была молодежь. Показ на крыше — это суперидея, мне очень понравилось, как организаторы преподносят кино, как привлекают на показы молодых людей. К моему удивлению, зрители подходили, благодарили, говорили, что фильм «держит», и что я им понравился, что было мне особенно приятно, потому что я вообще очень тяжело воспринимаю себя на экране. Я получил большое удовольствие от общения. Они спрашивали меня: «А вы внедрялись сами в эту среду, а вы знаете всю эту кухню, как это вам удалось?» Я отвечал, что это же все вокруг нас, это все видно, мигранты — это не какие-то космонавты, к которым нужно ехать на Байконур. — Да, Закиров — это узбекская фамилия, и причем актерская, известная...

— Мои дедушка и бабушка были оперными певицами, один мой дядя родился в Москве — Батыр Закиров, основатель узбекской эстрады, очень гремел в России. Он был звезда в его мюзик-холле главным режиссером был Марк Захаров. Второй мой дядя — Фарух Закиров, тот, который спел «Учкудук». И Наргиз Закирова, певица — моя двоюрод-

ная сестра. Мои мама и папа работали в кино, и сам я закончил ВГИК в Мастерской Алексея Владимировича Баталова. В Ташкенте я один из самых известных и востребованных актеров. У нас выходит в год более сорока

Когда есть замес, тогда что-то получается

картин. Но у нас само понятие «кино» другое, наши фильмы больше похожи на видеофильм. В Узбекистане большой внутренний рынок, большие государственные субсидии кино, и некоторые фильмы окупаются. Как в Индии — мы делаем продукт для граждан страны, для себя. — Но фильм «Побег из Москвабада» — для кого он, по-вашему, снят?

— Я скажу так: это фильм про не гастарбайтеров. Просто в Москве существуют две нации: москвичи и не москвичи. Русская героиня — она тоже приезжая, гастарбайтер. Но в человеческом, большом, глобальном смысле мы одна культура, все люди — братья. А по-другому если, все равно вот, по-моему, так: у нас есть люди гениальные, выдающиеся люди, которые замужем или женаты на русских, и в этом есть шарм какой-то, и когда в русских песнях есть восточное звучание, то в этом есть какой-то свой колорит. Вот Пушкин тоже был арап. Африканец даже! Вот видите! Когда есть замес, тогда что-то получается. X

Фестиваль «Зеркало» сегодня закрывается фильмом «Разрушение».

Режиссер Жан-Марк Валле прославился «Далласским клубом покупателей», за который по «Оскару» получили Мэтью Макконахи и Джаред Лето. В его новой работе главную роль играет Джейк Джилленхол: его герой — мужчина, который после смерти жены обнаруживает, что не испытывает никакой скорби. Чтобы привести в порядок свою психику, Дэвис избирает странный путь: к примеру, он начинает буквально разрушать собственный дом. Это только один из тех сюжетных ходов, которые вы не ожидаете увидеть в психологической драме. «Думаете, вы можете предсказать что-то в этом фильме? Ничего не получится», — говорит Жан-Марк Валле. Сценарий Брайана Сайпа несколько лет провела в так называемом «черном списке» — банке голливудских сюжетов, за которые не берётся ни одна студия.

Режиссер работал с чужим сценарием, но говорит, что для него этот фильм стал личным: «Я пережил развод, и это тоже маленькая смерть, — рассказывает Валле, который посвятил свою предыдущую работу „Дикая“ отношениям с матерью. — В фильме Дэвиса спрашивают: „Зачем вы женились?“ „Потому что это было просто“, — отвечает он. Вот и я мог бы сказать так же. Я был слишком занят карьерой и зарабатыванием денег, и поэтому позабыл о своем браке». Так кино становится для режиссёра формой личной терапии.

«Я очень хотел поработать с Джилленхолом, — говорит Валле о своем главном артисте. — Не только потому, что он отличный актер, но ещё и благодаря тому, что ты видишь, направляя на него камеру. Ему сразу начинаешь сопереживать — и это свойство было нам нужно для такого героя, как Дэвис Митчелл. Иначе кто бы стал сочувствовать богатому белому козлу, которого не волнует смерть жены?»

Валле привык работать быстро: он говорит, что в «Разрушении» группа старалась снимать все сцены с одного дубля. Цель такого подхода — атмосфера на площадке, которая сообщается и тому, что происходит на экране. «Я хотел снять „Разрушение“, как рок-концерт, и мне кажется, это мой самый рок-н-рольный фильм». X

Выпускающий редактор: Елена Костылева. Редактор: Андрей Каргашов. Дизайнер: Арина Журавлева.

rukavichkina

supermyata

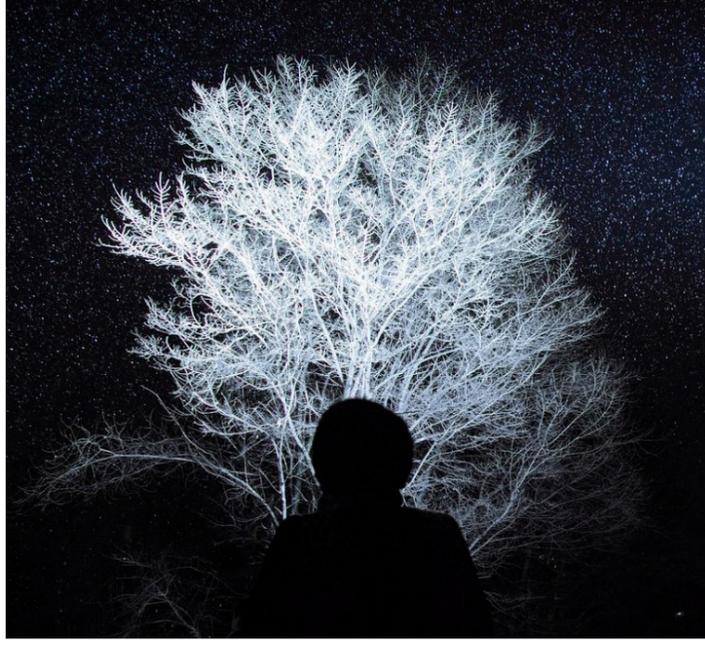
babakremen

alekseysumin

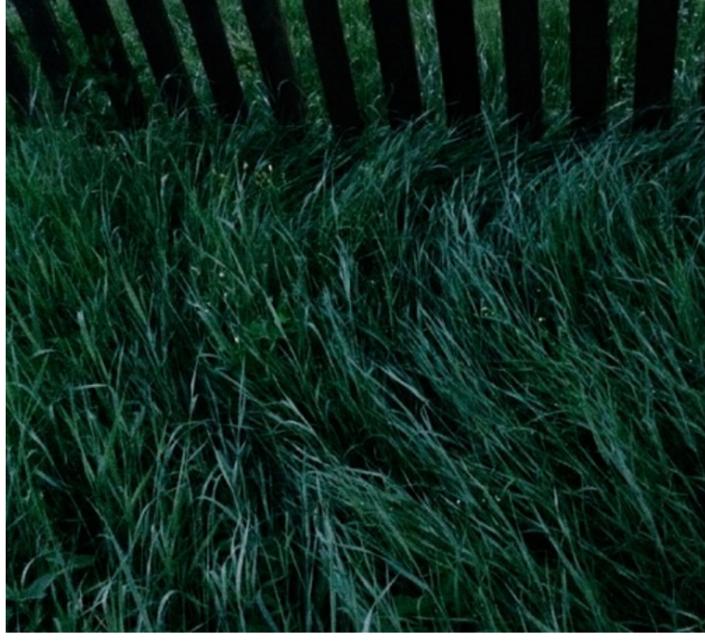
mila_lyudmila

soft_pollen

viktoriya_zhitova

allyatter

Весной фестиваль «Зеркало» и журнал «Сеанс» провели конкурс #tarkovskytrees. В память о великом режиссере мы предложили всем желающим «остановить время», оглядываясь на коллекцию пейзажей Тарковской. Снимки-участники конкурса украсили деревья в Плесе во время юбилейного фестиваля.

#tarkovskytrees